

18+

Юрий Драздов

Фермер
симулятор:
Кодекс агронома

Юрий Драздов

**Фермер симулятор:
Кодекс агронома**

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Фермер симулятор: Кодекс агронома / Ю. Драздов —
«Издательские решения»,

В «Колхоз» приходит мир, но старый агроном Иван Петрович чувствует себя чужим среди побед и урожая. Амбициозные ученики выводят опасного «Чертополоха», в шахтах пробуждаются древние корни, а на сервере созревает бунт против продовольственного диктата. «Кризис среднего возраста» Хранителя оборачивается поиском главного ответа: как остаться садовником, если каждая посаженная грядка пропитана кровью? История о том, что даже легенде порой нужнее не меч, а цветок.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Школа	6
Часть 1. Утро после тишины	7
Часть 2. Дипломатия с разработчиками	9
Часть 3. Отбор: не лопатой единой	11
Часть 4. Первая пятёрка	14
Часть 5. Структура Академии	17
Часть 8. Вечерний разговор у Чёрного Цветка	22
Часть 9. Посвящение в [Фермеры]	23
Глава 2. «Учебник биологии»	25
Часть 1. Вечерняя идея	26
— — Часть 2. Первая лекция: Философия сорняка	29
— — Часть 3. Куст-Плевака и первая кровь	32
— — Часть 6. Нежданный вопрос из прошлого	39
— — Часть 7. Помидорная этика	41
— — Часть 8. Вечерний разговор	43
Глава 3. Болезнь роста	44
Часть 1. Утро гордых учеников	45
Часть 2. Ночь в старой теплице	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Фермер симулятор: Кодекс агронома

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1848-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Школа

Часть 1. Утро после тишины

Рассвет над «Колхозом» в это утро был каким-то особенно правильным. Не тем багровым, тревожным рассветом, какие помнили все, кто прошёл через великую войну, а мягким, золотистым, с лёгкой дымкой над восточными полями — той самой дымкой, которая обещает тёплый день и хороший урожай. Солнце поднималось из-за холмов не спеша, словно наслаждаясь собственной неторопливостью, и его первые лучи, пробиваясь сквозь ещё не до конца рассеявшийся туман, превращали капли росы на листьях «Золотой пшеницы» в тысячи крошечных, дрожащих бриллиантов.

Иван Петрович сидел на своём излюбленном обломке жернова у корней Чёрного Цветка и пил утренний травяной отвар. Цветок, за долгие недели мира успокоившийся и больше не пульсировавший тревожным багровым светом, тихо шелестел лепестками, и в этом шелесте было что-то от сонного, довольного мурлыканья старого кота. Рядом, свернувшись клубочком на овчине, спала Whisper. Она редко спала — её «песни» требовали почти постоянного присутствия в мире растений, — но сегодня, чувствуя, что ничего угрожающего не происходит, позволила себе отдохнуть.

Старик смотрел на лагерь. «Колхоз» больше не был военным лагерем. Теплицы, ещё недавно служившие дзотами, теперь стояли с открытыми дверями, и из них доносился запах свежей земли и молодых побегов. Минные поля давно перекопали и засеяли обычной морковью и свёклой. Остовы поверженных големов, переплавленные и перекованные в плуги и бороны, ржавели на задворках кузницы Юджина, дожидаясь своего часа. Даже Чёрный Цветок, главный символ обороны, теперь воспринимался не как военный трофей, а как простое, но такое родное украшение площади.

И всё же что-то было не так. Что-то беспокоило Ивана Петровича, не давая ему до конца насладиться этим тихим, мирным утром. И дело было не в огурцах — огурцы, слава богу, он наконец-то полил, и они дружно зеленели на задней грядке, обещая рекордный урожай. Дело было в людях.

Людей в «Колхозе» стало слишком много.

После окончания войны и знаменитой «Победной браги», после того как весть о разгроме объединённых армий Европы и Азии разнеслась по всем серверам «Артары», к воротам «Колхоза» потянулись сотни игроков. Не с оружием — с просьбами. Они хотели остаться. Хотели учиться. Хотели стать частью того, что создал этот странный старик в соломенной шляпе, который победил войну чашкой чая и лопатой.

Эйнар, назначенный Иваном Петровичем главным по «организационным вопросам» (старик упорно отказывался называть его «начальником штаба», говорил: «Ты агроном, я агроном, какие штабы?»), в последнее время только и делал, что составлял списки. Списки желающих вступить в «Колхоз». Списки желающих получить землю. Списки желающих просто пожить немного, посмотреть, как тут устроено.

— Деда, — сказал он как-то, протягивая Ивану Петровичу глиняную табличку, исписанную мелким, убористым почерком, — тут уже полторы тысячи человек в очереди. А мест — на триста, и то если теплицы переоборудовать под жильё. Что делать-то?

Иван Петрович тогда только крикнул и почесал затылок под шляпой. Он был агрономом, а не управляющим банком. Он знал, как вывести новый сорт пшеницы, устойчивый к магической ржавчине, но понятия не имел, как расселить полторы тысячи желающих.

— А что они все хотят-то? — спросил он. — Рыбу ловить? Грибы собирать? Или просто так, поглазеть?

— Учиться, — ответил Эйнар. — Они хотят учиться. Стать фермерами. Получить подкласс [Фермер], но без потери боевых навыков. Они не хотят бросать свои классы — кто-то воин, кто-то маг, кто-то вор, — но они хотят уметь ещё и выращивать еду. Как ты.

— Как я, — задумчиво повторил Иван Петрович. — Ну, я же не мастер-класс веду. Я просто... живу. Копаю. Сажаю.

— Для них это — мастер-класс, — сказал Эйнар жёстко. — Ты — легенда, деда. Тот, кто победил армии без единого убийства. Тот, кто спас сервер от Пожирателя Данных. Тот, кто варит брагу из вражеских гербов. Конечно, они хотят быть как ты. Но никто не хочет терять свой прогресс.

И тогда, в тот самый момент, у Ивана Петровича и родилась мысль. Не сразу — она зрела несколько дней, пока он полтел грядки, поливал огурцы и разговаривал с Чёрным Цветком. Мысль была простая и одновременно гениальная: если люди хотят учиться, пусть учатся. Но не как попало, а по-настоящему. С системой. С лекциями. С практикой. С дипломами, в конце концов.

— Слушай, — сказал он однажды вечером Whisper, когда они сидели у костра, а над лагерем загорались первые звёзды. — А что если открыть школу? Ну, как при университете, только не в городе, а прямо здесь. В «Колхозе». Академию, например. Ботаническую. Чтобы любой желающий мог прийти и научиться, не теряя своего основного класса.

Whisper открыла глаза и посмотрела на него — невидящими, но такими внимательными глазами.

— Ты хочешь учить людей? Всех подряд? — спросила она.

— Не всех, — поправил Иван Петрович. — Тех, кто хочет. И тех, кто способен. Академия — это не проходной двор. Это отбор. Экзамены. И, главное, — любовь к земле. Если её нет — грош цена такому ученику.

Whisper помолчала, потом улыбнулась — той самой, редкой, драгоценной улыбкой, от которой у Ивана Петровича всякий раз теплело на душе.

— Это правильная мысль, — сказала она. — Ты всегда учил. Просто теперь делаешь это официально.

Часть 2. Дипломатия с разработчиками

Идея — это одно. Её реализация — совсем другое. Иван Петрович быстро понял, что просто так, с бухты-барахты, «Академию Ботаники» не откроешь. Для этого требовалось согласие разработчиков — тех самых админов, которые когда-то, во время войны с Пожирателем Данных, лично просили его о помощи.

— С ними надо говорить, — сказал Ханзо, когда Иван Петрович поделился с ним своим замыслом. Бывший командир клана Теней, а ныне — тень Агронома и его правая рука в вопросах, требующих тонкой дипломатии, сидел на корточках у входа в штабной сарай и точил свой короткий клинок. — У них свои правила. Подкласс — это изменение игровой механики. Просто так они на это не пойдут.

— А что им нужно? — спросил Иван Петрович. — Денег у меня нет. Золота — сколько угодно, но оно же виртуальное.

— Им нужно, чтобы ты не сломал игру, — усмехнулся Ханзо. — Во второй раз.

Старик крякнул. Справедливо. То, что он сделал во время войны — «Сладкая вата», «Генеральская тля», «Солнечный удар», — было на грани нарушения баланса. Разработчики тогда закрыли глаза, потому что он спас сервер от уничтожения. Но теперь, в мирное время, они могли быть менее снисходительны.

— Ладно, — сказал он. — Организуй мне встречу. С кем-нибудь главным. Не с техподдержкой, а с теми, кто принимает решения.

Ханзо кивнул и исчез. Он умел находить нужных людей. Его старые связи, даже после предательства Такахаша, работали исправно. Через три дня Иван Петрович уже сидел в нейтральной зоне — в небольшой, уютно обставленной комнате, которая существовала вне игровых серверов, в административной надстройке «Артары».

Напротив него, за полированным столом из чёрного дерева, сидели трое. Двое мужчин и одна женщина. Они не носили громких титулов, но их аватары, лишённые всяких украшений, источали ту особую, неброскую власть, которая бывает только у создателей миров.

Женщина, представившаяся просто «Лианой», говорила за всех. Её голос был мягким, но в нём чувствовалась сталь.

— Иван Петрович, — сказала она. — Мы внимательно следили за вашими... достижениями. Вы создали прецедент. Игрок с классом [Мирный Житель] стал ключевой фигурой на сервере. Это не вписывается в нашу первоначальную концепцию.

— Так измените концепцию, — спокойно ответил Иван Петрович. — Игры для того и делаются, чтобы в них можно было делать что-то новое. А не пережёвывать старое.

Лиана чуть приподняла бровь.

— Вы предлагаете нам переписать код целого подкласса ради вашей... академии?

— Я предлагаю вам подумать, — сказал Иван Петрович, откидываясь на спинку стула и поправляя шляпу. — Что лучше: фермеры, которые воюют лопатами и выращивают еду для всех, или голые PvP-сервера, где через год никому не интересно, потому что все перебили друг друга? «Артара» стала популярной после того, как я запустил «Агро-Интернационал». Это факт. Вы сами видели статистику.

Лиана переглянулась со своими коллегами. Статистику они видели. После войны количество активных игроков на русском сервере выросло втрое. А на соседних, узнавших о чудесном «фермере-боссе», — вдвое. Людям надоела бесконечная резня. Им хотелось смысла. А смысл, как ни странно, нашёлся в грядках.

— Что именно вы предлагаете? — спросил один из мужчин, до этого молчавший.

— Сделать [Фермера] подклассом, — сказал Иван Петрович. — Любой игрок, независимо от основного класса, может получить его, пройдя обучение в моей Академии. Без потери боевых навыков. Без штрафов. Просто — дополнительная ветка умений. Сажать, поливать, удобрять, собирать урожай. Всё, что умею я. Конечно, не сразу. Постепенно.

— А боевые растения? — спросила Лиана. — Подсолнухи-лазеры, «Ежи», «Гнилой Картофель»?

— Это — высший пилотаж, — ответил Иван Петрович. — И не для всех. Только для тех, кто докажет, что не будет использовать их для агрессии. Только для обороны. И только под моим контролем. Я не хочу, чтобы мои ученики превратили «Артару» в филиал ада.

Долгое молчание. Потом Лиана кивнула.

— Мы дадим вам экспериментальный период. Один игровой месяц. Вы набираете не более пяти учеников за раз — первый поток. Если система не сломается, если баланс не рухнет, мы сделаем подкласс [Фермер] официальным. Идёт?

— Идёт, — кивнул Иван Петрович. — Но пять — это мало. У меня полторы тысячи желающих.

— Пять, — твёрдо повторила Лиана. — И никаких послаблений. Вы должны доказать, что обучение возможно без багов и дисбаланса. А потом — хоть тысячу.

Иван Петрович вздохнул. Пять так пять. Он знал, что это испытание. И он был готов его пройти.

Часть 3. Отбор: не лопатой единой

Весть о том, что Академия Ботаники открывает набор на первый поток, разнеслась по «Колхозу» со скоростью лесного пожара. У ворот лагеря выстроилась очередь — сотни игроков, среди которых были и ветераны недавней войны, и новички, пришедшие уже после, и даже несколько бывших врагов, решивших остаться и учиться.

Иван Петрович сидел на своём жернове, глядя на эту очередь, и чувствовал себя не столько директором школы, сколько... ну, не знал он, кем он себя чувствовал. Садовником, который должен отобрать лучшие семена из мешка, но не может заглянуть внутрь.

— Как будем отбирать? — спросил Кривой Нож, стоявший рядом с глиняной табличкой и угольком для записей. — На скорость копки? На знание сорняков? На умение отличать «Поганку» от «Колючки»?

— Нет, — покачал головой Иван Петрович. — Будем проверять другое.

Он поднялся, опираясь на сапку, и подошёл к очереди. Люди замолчали. Все смотрели на него — на легендарного Агронома, который стоял перед ними в своей потрёпанной соломенной шляпе и старом плаще, и ждали.

— Значит, так, — сказал он, обводя взглядом толпу. — Экзамен будет один. Я дам каждому из вас семечко. Обычной моркови. Не «Золотой пшеницы», не «Рассветной клубники» — самой простой моркови, какую сажают в любом огороде.

Он достал из кармана мешочек, развязал его и высыпал на ладонь горсть мелких, коричневых семян.

— Ваша задача — посадить это семечко в землю. В любую землю — на вашем участке, в горшке, в теплице, в лесу, где хотите. Ухаживать за ним. Поливать. Разговаривать — если хотите. Через неделю вы приносите мне росток. Живой, зелёный, настоящий. Но это не главное.

Он сделал паузу и добавил, глядя прямо в глаза тем, кто стоял в первых рядах:

— Главное — вы расскажете мне, что вы чувствовали, когда сажали. Что вы думали. Почему вы это делали. Не для меня — для себя. Понимаете? Я не проверяю ваши навыки агронома. Я проверяю вашу любовь к земле. Если её нет — грош цена такому ученику. Если есть — вы пройдёте, даже если морковка вырастет кривой и хилой.

В очереди зашумели. Кто-то удивлённо, кто-то разочарованно. Один здоровенный рыцарь в полном латном облачении, с гербом какого-то дальнего сервера на нагруднике, громко спросил:

— А если я ускорю рост магией? Обычное заклинание ускорения роста — раз, и готово.

— Попробуй, — усмехнулся Иван Петрович. — Но тогда ты не почувствуешь ничего. А я узнаю. Мои растения чувствуют магию. Они не любят, когда их торопят. Засохнет твоя морковка — иди мимо.

Рыцарь скривился, но промолчал.

Первый этап отбора занял три дня. Иван Петрович раздал семена всем желающим — полторы тысячи штук. Полторы тысячи семян обычной моркови, которые он наскреб по всему «Колхозу», опустошив даже личные запасы Кривого Ножа (тот, правда, долго возмущался: «Деда, это же мой запас на зиму!» — «Ничего, новый вырастим»).

Через неделю претенденты начали возвращаться. Кто-то с горшками, кто-то с целыми грядками, выкопанными вместе с землёй. Кто-то нёс росток на ладони, бережно прикрывая его от ветра. Иван Петрович сидел на своём жернове, а рядом с ним — Whisper, которая «слушала» каждого пришедшего, чувствуя его «песню».

— Этот — нет, — тихо сказала она, когда перед ними предстал первый претендент — тот самый рыцарь, который хотел ускорить рост магией. Его морковка была огромной, ярко-оранжевой, идеальной — и мёртвой. Она не пахла землёй. Она пахла заклинанием.

— Проходи, парень, — вздохнул Иван Петрович. — Не обманешь. Земля не любит обмана.

Рыцарь побагровел, хотел что-то возразить, но развернулся и ушёл.

Следующий, щуплый маг в поношенной мантии, принёс хилый, бледный росток, который едва держался на тонком стебельке.

— Я... я разговаривал с ним, — запинаясь, сказал маг. — Каждый день. Но он всё равно плохо рос. Может, я что-то не так делал?

Whisper чуть наклонила голову, прислушиваясь.

— Его «песня» печальна, — тихо сказала она. — Но не фальшива. Он действительно старался.

— Оставляй, — кивнул Иван Петрович. — Не морковка важна — старание.

Маг чуть не заплакал от облегчения и отошёл в сторону зачисленных.

Так, один за другим, они проходили. Иван Петрович и Whisper отсеяли больше сотни человек. Тех, кто пытался обмануть. Тех, кто принёс чужой росток. Тех, кто вообще ничего не принёс, надеясь на «авторитет» или «связи». Но оставались и те, кто был искренен. Бывший солдат, который сажал морковку в окопе, где погиб его друг, и плакал, когда она проросла. Молодая девушка, которая разговаривала с ростком, как с котёнком, и он отзывался. Старый шахтёр, который впервые в жизни держал в руках не кирку, а семечко, и смотрел на него с таким благоговением, словно это был алмаз.

К концу третьего дня отбора у Ивана Петровича осталось пять человек. Ровно пять — по числу мест в первом потоке.

Пятеро. Они стояли перед ним у Чёрного Цветка, и в их глазах горел тот самый огонь, который старик так хорошо знал. Огонь не войны — жизни.

Часть 4. Первая пятёрка

Иван Петрович обвёл взглядом своих первых учеников. Каждый из них был разительно не похож на других — по классу, по происхождению, по жизненному опыту. Но всех их объединяло одно: они пришли не за славой и не за силой. Они пришли за знанием. За умением растить, а не убивать.

Первым стоял Эдвард. Тот самый молодой рыцарь, который пришёл в «Колхоз» после «Сладкой Ваты», один из первых перебежчиков из армии Аларика. Он снял свои тяжёлые доспехи, сменив их на простую холщовую рубаху и кожаные штаны. Его меч — тот самый, фамильный, с выгравированным гербом — висел на поясе, но Эдвард, казалось, забыл о нём. В руках он держал горшок с крепким, коренастым ростком моркови, который уверенно тянулся к солнцу.

— Я убивал за золото, — сказал Эдвард, и его голос, молодой, но уже с хрипотцой, звучал твёрдо. — На трёх серверах. За наёмничьим отрядом. Не спрашивал, прав ли враг. Просто делал свою работу. А потом я пришёл сюда, и вы дали мне сон. «Сладкая Вата». Я проснулся с запиской в руке, и... я не понял. Почему вы не убили меня? Почему вы перевязали наших раненых? Это перевернуло всё. Я понял, что хочу не убивать за жизнь, а растить жизнь. Даже если буду делать это неумело. Даже если никогда не стану таким, как вы.

Иван Петрович молча кивнул. Эдвард был груб, прямолинеен и, возможно, не слишком смышлён в теории почвоведения, но он был искренен. А искренность, как знал старик, дороже любого интеллекта.

Второй ученицей была Лили — молодая девушка-маг, которую привёл в «Колхоз» её старший брат, воевавший на стороне Такахаша и погибший в одном из боёв. Лили была хрупкой, бледной, с заплаканными глазами, но в её взгляде, когда она смотрела на свой росток, была такая сила, что Иван Петрович невольно поёжился.

— Я не хочу больше кастовать заклинания, — тихо сказала она. — Каждое моё заклинание — это смерть. Кого-то. Неважно, врага или друга. Я устала. Я хочу... я хочу, чтобы что-то росло. Чтобы что-то жило. Чтобы я могла смотреть на это и не бояться.

Whisper, сидевшая рядом, положила ладонь на плечо девушки. Лили вздрогнула, потом расслабилась — она почувствовала тепло, исходившее от слепой лучницы.

— У неё дар, — тихо сказала Whisper Ивану Петровичу. — Она чувствует растения. Как я. Только не знает об этом.

— Узнает, — так же тихо ответил старик.

Третьим был Корней — пожилой шахтёр из отряда Razor'a. Грубый, как его кирка, покрытый слоем вековой угольной пыли, которая, казалось, въелась в его виртуальную кожу намертво. Его руки, огромные и мозолистые, держали горшок с ростком так осторожно, словно он боялся раздавить хрупкое создание.

— Я сорок лет в шахтах, — прогудел Корней, не глядя на Ивана Петровича, а глядя на свой росток. — Камень, руда, пыль. Темнота. А я всегда мечтал о саде. О яблонях. О грушах. Чтобы листья шелестели, а не камни сыпались. Но думал — поздно. Старый уже. А теперь... — он замолчал, сглотнул и всё-таки поднял глаза на Агронома. — Научите. Я выучу. Хоть полжизни на это потрачу.

— Потратишь, — усмехнулся Иван Петрович. — Но оно того стоит.

Четвёртым был Рен — молодой ниндзя, ученик Ханзо, тот самый, что приносил воду в камеру, когда Иван Петрович сидел в плену. Рен был гибким, быстрым, бесшумным — идеальный убийца. Но в его глазах, когда он смотрел на свой росток, не было той холодной пустоты, которая отличала большинство ниндзя.

— Мой учитель сказал, — произнёс Рен, и его голос, тихий и вкрадчивый, звучал почти-тельно, — что вы учите не только сажать. Вы учите быть человеком. А быть человеком — это не только убивать врагов. Это ещё и растить детей. И цветы. И морковку. Я хочу научиться быть человеком. Не просто тенью.

— Хорошая цель, — кивнул Иван Петрович. — Только запомни: твоя тень не должна пугать растения. Если ты подкрадёшься к грядке, как к врагу, она засохнет. Учись быть светом. Или хотя бы нейтральным. Понял?

— Понял, учитель, — поклонился Рен.

И, наконец, пятым был «Странник». Тот самый легендарный тактик, который возглавлял рейд-группу топ-игроков, пришедшую убить Агронома. Тот самый, который признал своё поражение и попросил чаю. Тот самый, который на турнире лопаты проиграл Ханзо, но не расстроился, а только мрачно усмехнулся и сказал: «Надо учиться».

Он стоял чуть поодаль от остальных, и его лицо, немолодое и морщинистое, ничего не выражало. Но в руках он держал росток — самый обычный, ничем не примечательный, но живой. Сильный. Зелёный.

— Я изучил все войны, — произнёс «Странник», и его голос, спокойный и бесстрастный, разнёсся над площадью. — Я выиграл сотни сражений. Никто не может победить меня в честном бою. Никто. А вы победили. Не честным боем. Чайной чашкой. Это изменило меня. Я понял, что война — это тупик. А жизнь — она там, где вы. В земле. В растениях. В том, чтобы растить, а не убивать. Я хочу научиться этому. Даже если буду самым старым учеником в вашей школе.

Иван Петрович долго смотрел на него. «Странник» был сложным человеком. Его «песня», которую Whisper описывала как «холодную и расчётливую», всё ещё не стала тёплой. Но в ней появились новые ноты — сомнение, надежда, что-то ещё, что старик не мог определить.

— Я сомневался, брать ли тебя, — честно сказал Иван Петрович. — Ты умён. Очень умён. А умные люди часто бывают хитрыми. Они ищут выгоду там, где другие ищут душу.

— Я ищу не выгоду, — возразил «Странник». — Я ищу ответ. Зачем всё это? Зачем войны, если они ничему не учат? Зачем победы, если после них — пустота? Вы показали мне другой путь. Я хочу понять его. Глубоко. До корней. — Он чуть усмехнулся, заметив свою игру слов. — До самых корней.

Иван Петрович перевёл взгляд на Whisper. Та чуть наклонила голову — жест, означавший «да».

— Остаёшься, — сказал старик. — Но помни: в Академии ты не легенда. Ты ученик. И если ты начнёшь свои тактические игры с грядками — вылетишь. Без права восстановления.

— Принято, — кивнул «Странник».

Часть 5. Структура Академии

На следующее утро Иван Петрович собрал всех пятерых на пустыре за восточными теплицами. Там, где ещё недавно стояли минные поля и дзоты, теперь была ровная, хорошо удобренная земля, готовая к первым посадкам.

— Академия Ботаники, — произнёс он, и его голос, хрипловатый и спокойный, разнёсся над полем. — Звучит гордо, правда? А на самом деле — это просто школа. Школа, где я буду учить вас тому, что знаю сам. А знаю я не так много. Но это важное.

Он прошёлся перед учениками, опираясь на сапку, и продолжил:

— Три столпа нашего обучения. Первый — теория. Без неё никуда. Вы узнаете о почвах, о селекции, о «Шёпоте флоры» — том самом, которым я пользуюсь, чтобы слышать растения. Второй — практика. Вы будете работать в поле. Каждый день. По четыре часа минимум. Лопата, грабли, тяпка — ваши лучшие друзья. Третий — этика. Это самое важное. Никакого принуждения растений к бою. Никаких экспериментов над живыми существами без их согласия. Никакого использования знаний во вред другим. Только защита. Только урожай. Только жизнь. Понятно?

— Понятно, — ответили пятеро.

— Тогда — первый урок, — сказал Иван Петрович и повёл их к старой теплице, стоявшей на краю пустыря.

Эта теплица была особенной. В неё никто не заходил с тех пор, как кончилась война. Её стены, сделанные из «Цепкого плюща» и «Стального тростника», ещё хранили следы боёв — обгоревшие участки, вмятины от камней, глубокие царапины от мечей. Внутри, в углах, до сих пор стояли «Ежи-пулемётчики», законсервированные и мирно дремавшие, похожие на спящих ежей. А на стенах, на грубо сколоченных досках, были нацарапаны схемы обороны — какие сектора, какие ловушки, какие резервы.

— Это будет ваш класс, — сказал Иван Петрович, открывая дверь. — Войдите.

Ученики вошли. Они оглядывались с любопытством и трепетом. Здесь пахло землёй, старыми спорами и ещё чем-то — чем-то, что напоминало о войне. О той войне, которую выиграл этот странный старик.

— Вы будете сидеть вот здесь, — Иван Петрович указал на грубые деревянные скамьи, сколоченные плотниками на скорую руку. — А я буду стоять вот здесь. — Он подошёл к большой грифельной доске, на которой ещё не стёрлись какие-то старые расчёты. — И мы будем учиться. Слушать. Запоминать. Задавать вопросы. А потом — выходить в поле и делать.

Он взял кусок мела и написал на доске большими буквами:

«Почва — это не грязь. Это жизнь».

— Запомните это, — сказал он, поворачиваясь к ученикам. — Вы будете повторять это каждый день. Потому что если вы не поймёте этого — вы никогда не станете настоящими фермерами.

Часть 6. Первый урок: «Почва — это не грязь»

Первый урок прошёл не так, как ожидали ученики. Не было лекций о селекции, не было схем подземных ирригационных систем, не было даже практической работы с лопатами. Вместо этого Иван Петрович вывел их на пустырь — тот самый, где когда-то бушевала война, где големы крушили теплицы, а маги выжигали поля.

Здесь ничего не росло. Земля была серой, мёртвой, покрытой слоем спекшегося пепла. Даже сорняки — вездесущие, живучие сорняки, которые пробиваются сквозь асфальт и бетон, — обходили это место стороной.

— Смотрите, — сказал Иван Петрович, останавливаясь в центре пустыря. — Что вы видите?

— Ничего, — честно ответил Эдвард. — Мёртвую землю.

— А я вижу жизнь, — возразил старик. — Не здесь. Но под здесь. Глубоко. Корни, которые ушли вглубь, спасаясь от огня. Споры, которые уснули и ждут своего часа. Бактерии, которые перерабатывают пепел в питательные вещества. Всё это — жизнь. Просто она спит. И ваша задача — разбудить её.

Он опустил на корточки, набрал в ладонь горсть серой, безжизненной земли и поднёс к лицу.

— Понюхайте, — сказал он, протягивая горсть Эдварду. — Не бойтесь. Земля не кусается.

Эдвард понюхал. Его лицо, обычно суровое и непроницаемое, чуть дрогнуло.

— Пахнет... пеплом, — сказал он. — И ещё чем-то. Кислым.

— Кислый запах — это разложение, — пояснил Иван Петрович. — Органика сгорела, бактерии работают. Это — начало. Без этого не было бы нового. Так что не бойтесь мёртвой земли. Бойтесь земли, которая не пахнет ничем. Такая земля — действительно мертва.

Он обвёл взглядом учеников и продолжил:

— Ваше задание на сегодня: найти на этом пустыре участок, где жизнь всё ещё теплится. По запаху. По вибрации. По едва заметным травинкам. И когда найдёте — посадите там своё семечко. То самое, что я вам дал на экзамене.

— Но мы уже посадили их! — возразила Лили. — И они выросли.

— Посадите снова, — спокойно ответил Иван Петрович. — Семена у меня есть. Для настоящих учеников — не жалко.

Он раздал каждому по новому семечку — такие же мелкие, коричневые, невзрачные. Потом отошёл в сторону, сел на принесённый с собой раскладной стульчик и приготовился наблюдать.

Ученики разбрелись по пустырю. Эдвард, привыкший действовать решительно, первым опустился на колени и начал копать. Но земля была твёрдой, сухой, и его пальцы быстро устали. Он выругался сквозь зубы, взял лопату (которую Иван Петрович, кстати, не запрещал) и начал орудовать ею, взрыхляя слой за слоем.

Лили пошла другим путём. Она закрыла глаза и вытянула руки над землёй, пытаясь почувствовать... что-то. Магией, но без заклинаний. Просто своим даром, о котором говорила Whisper. И через несколько минут её руки дрогнули — она нашла. Там, в двух шагах от неё, под слоем пепла, едва заметно пульсировал крошечный корешок. Не растение — просто корешок. Но живой.

Корней, старый шахтёр, делал то, что умел лучше всего: он изучал структуру. Он ходил по пустырю, наступая на землю то пяткой, то носком, и прислушивался к ощущениям. Там, где земля «ходила ходуном», была рыхлой и податливой, он опускался на колени и начинал копать. Там, где земля была твёрдой, как камень, — обходил стороной.

Рен, молодой ниндзя, исчез. Просто растворился в воздухе. Через несколько минут он появился из ниоткуда с горстью чёрной, маслянистой земли в руках и сказал:

— Там, вон под тем обломком голема, земля жирная. Пахнет железом и ещё чем-то. Может, подойдёт?

Иван Петрович глянул на землю, понюхал, покачал головой.

— Не подойдёт, — сказал он. — Железо — это хорошо, но слишком много. Морковь скиснет. Ищи дальше.

«Странник»... «Странник» просто стоял посреди пустыря, закрыв глаза, и молчал. Он ничего не копал, не нюхал, не ощупывал. Он просто... ждал. Прошло десять минут. Двадцать. Полчаса. И когда остальные уже почти отчаялись, «Странник» медленно, очень медленно опустился на колени прямо там, где стоял, и начал копать. Не лопатой — пальцами. Осторожно, бережно, словно боясь повредить что-то важное.

На глубине около пяти сантиметров он наткнулся на корень. Тонкий, бледный, почти прозрачный, но живой. Корень тянулся куда-то вглубь, в темноту, и от него исходило слабое, едва уловимое тепло.

— Вот, — сказал «Странник», и в его голосе впервые за всё время прозвучала не холодная расчётливость, а что-то похожее на благоговение. — Вот она. Жизнь.

Иван Петрович подошёл, посмотрел на корень, кивнул.

— Молодец, — сказал он. — Ты понял главное. Не надо искать. Надо ждать. Земля сама покажет, где ей нужна помощь. Сади.

«Странник» осторожно, кончиками пальцев, выкопал ямку, положил туда семечко, присыпал землёй и полил из фляги, которую прихватил с собой. Потом отступил на шаг и долго смотрел на это место.

К вечеру все пятеро посадили свои семена. Кто-то — на глубину, указанную интуицией. Кто-то — строго по инструкции, которую Иван Петрович надиктовал Кривому Ножу и велел размножить. Но каждый вложил в посадку что-то своё. Эдвард — решимость. Лили — надежду. Корней — терпение. Рен — уважение. «Странник» — вопрос. Вопрос, на который он ещё не нашёл ответа.

Часть 7. Конфликт внутри «Колхоза»

Пока ученики сажали свои семена, в лагере росло напряжение. Не все радовались новой Академии. Особенно те, кто прошёл всю войну с самого начала, кто держал оборону в самые тёмные дни, кто хоронил друзей и сам был на волосок от смерти.

Гуннар был в ярости. Не потому, что он был злым человеком — нет, Гуннар был справедлив. Но он не понимал, зачем тратить время и ресурсы на каких-то «учеников», когда вокруг ещё столько дел. Восстановление полей. Ремонт теплиц. Заготовка удобрений на зиму. А тут — «Академия». Какие-то лекции. Какие-то дипломы.

— Ты посмотри на них! — говорил он Ивану Петровичу, стоя в дверях штабного сарая и гневно жестикулируя в сторону пустыря, где ученики копались в земле. — Они даже лопату держать не умеют! А ты хочешь сделать из них фермеров? Это же... это же... неуважение к тем, кто пахал здесь, когда пахать было страшно!

Иван Петрович выслушал его молча. Потом вздохнул и сказал:

— Гуннар, ты помнишь, как ты пришёл в «Колхоз»?

Гуннар замер.

— Помню, — буркнул он. — Я был наёмником. Мне было плевать, на чьей стороне воевать. Пока ты меня не остановил.

— А ты помнишь, что я тебе сказал тогда?

— Помню. «Лопата сильнее меча, если земля на твоей стороне».

— Вот, — кивнул Иван Петрович. — Я не говорил, что лопата сильнее сама по себе. Я говорил, что важно, кто ею владеет. И сейчас эти пятеро учатся владеть лопатой. Не так, как ты — с яростью и напором. А так, как нужно. С любовью. Ты закрыл им небо в бою. А они закроют землю от голода. Это разве не важно?

Гуннар молчал, переваривая услышанное. Потом его плечи чуть опустились.

— Ладно, — сказал он. — Но если кто-то из них подведёт — я лично... я... — он запнулся, подбирая слово, — ...я заставлю их копать картошку голыми руками. Понял?

— Понял, — усмехнулся Иван Петрович. — А теперь иди, отдохни. Завтра у тебя тоже лекция.

— Какая ещё лекция? — опешил Гуннар.

— «Окопное огородничество». Как защитить грядки от случайных мобов без подсолнухов-лазеров. Ты в этом специалист. Ты и расскажешь.

Гуннар хотел возразить, но, встретив взгляд Ивана Петровича, передумал. Он знал, что спорить с Агрономом в таком настроении бесполезно. И, чертыхнувшись, вышел из сарая.

Часть 8. Вечерний разговор у Чёрного Цветка

Ночь опустилась на «Колхоз» тихая и звёздная. Луна, тонкая и бледная, висела над восточными холмами, и её серебристый свет заливал поля, теплицы и площадь. У Чёрного Цветка, который сегодня пульсировал особенно мягко, сидели двое — Иван Петрович и Whisper.

Старик пил травяной отвар и смотрел на звёзды. Whisper, закутавшись в свой неизменный плащ, сидела рядом и, казалось, дремала. Но Иван Петрович знал: она не спит. Она слушает.

— Ты боялся, — тихо сказала она, не открывая глаз.

— Боялся, — честно ответил Иван Петрович. — Не за себя. За них. За тех пятерых. Что они не поймут. Что разочаруются. Что уйдут.

— Не уйдут, — сказала Whisper. — Их «песни» изменились. Даже у «Странника». Он больше не ищет победы. Он ищет... что-то другое. Мир, наверное.

— Ищет, — согласился Иван Петрович. — Только найдёт ли? Он слишком умный. Умные люди часто сомневаются. А сомнение — это яд для фермера. Фермер не сомневается. Он сажает. И ждёт.

— Ты научишь их не сомневаться, — сказала Whisper. — Как научил меня. Как научил Ханзо. Как научил Гуннара, даже если он не признаётся. Просто дай им время.

Иван Петрович допил отвар, поставил кружку на жернов и поднялся.

— Время, — повторил он. — Время — это то, чего у нас теперь много. Война кончилась. Посевная началась. А значит — время есть.

Он взял сапку и зашагал к своему шалашу. За его спиной, в серебристом свете луны, продолжал пульсировать Чёрный Цветок. И в этой пульсации было что-то успокаивающее. Что-то, что говорило: всё правильно. Всё идёт так, как надо.

Часть 9. Посвящение в [Фермеры]

Ровно через месяц, на закате, Иван Петрович собрал всех на площади. Не только пятерых учеников — весь «Колхоз». Всех, кто был с ним от начала до конца. И тех, кто пришёл уже после войны. И даже тех, кто когда-то был врагом, а теперь стал другом.

Площадь украсили гирляндами из сушёных трав и цветов. В центре, на постаменте, стояли пять лопат. Не простых, а выкованных мастером Юджином специально для этого дня — с инициалами будущих фермеров на черенках и с рунами, которые гарантировали, что лезвие никогда не затупится.

— Сегодня, — произнёс Иван Петрович, и его голос, хриловатый и спокойный, разнёсся над площадью, — первый выпуск Академии Ботаники «Колхоза». Пятеро учеников. Пятеро мужчин и женщин, которые пришли к нам с разными судьбами, разными классами, разными мечтами. Но всех их объединило одно: они захотели растить, а не убивать. И они доказали, что достойны называться [Фермерами].

Он обвёл взглядом учеников, стоявших перед ним в ряд. Эдвард, Лили, Корней, Рен, «Странник». Они были разными. Но в их глазах горел один и тот же огонь.

— Эдвард, — сказал Иван Петрович. — Ты пришёл к нам наёмником, убивавшим за золото. Ты ушёл от нас фермером, выращивающим жизнь. Возьми свою лопату. И помни: ею можно и копать, и защищать. Но никогда — нападать.

Эдвард шагнул вперёд, принял лопату и поклонился.

— Лили. Ты пришла к нам магом, уставшим от смерти. Ты ушла от нас целительницей земли. Возьми свою лопату. И помни: земля лечит не хуже магии. Просто медленнее. Но надёжнее.

Лили, вся в слезах, приняла лопату и прижала её к груди.

— Корней. Ты пришёл к нам шахтёром, проведшим всю жизнь под землёй. Ты ушёл от нас садовником, который наконец увидел небо. Возьми свою лопату. И помни: земля над головой — она тоже требует заботы. Не только та, что под ногами.

Корней осторожно, словно боясь сломать, взял лопату и кивнул.

— Рен. Ты пришёл к нам ниндзя, тенью, не знавшей света. Ты ушёл от нас учеником, который учится быть не тенью, а человеком. Возьми свою лопату. И помни: растения не боятся света. Бойся темноты. В темноте не растёт ничего, кроме сорняков.

Рен поклонился, принял лопату и отошёл в сторону.

— «Странник». Ты пришёл к нам легендой, победившей всех. Ты ушёл от нас учеником, который проиграл земле — и выиграл. Возьми свою лопату. И помни: тактика важна. Но важнее — любить то, что ты защищаешь. Без любви тактика — это просто убийство. С любовью — это жизнь.

«Странник» взял лопату и долго смотрел на неё. Потом поднял глаза на Ивана Петровича и произнёс:

— Я не умею любить. Но я учусь.

— Этого достаточно, — ответил старик.

В тот же миг над площадью вспыхнуло системное сообщение, видимое всем игрокам сервера:

«ВНИМАНИЕ! Первый выпуск Академии Ботаники „Колхоз“ состоялся. Пятеро игроков получили подкласс [Фермер] без потери боевых навыков. Отныне на сервере открыта возможность обучения мирному фермерству для всех желающих. Академия ждёт новых учеников».

Площадь взорвалась аплодисментами и криками «Ура!». Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то просто стоял и смотрел на это чудо, которое сотворил старый агроном в соломенной шляпе.

А Иван Петрович стоял в центре этого веселья, опираясь на свою верную сапку, и думал о том, что всё это — не зря. Война, потери, бессонные ночи в лаборатории, споры, слёзы — всё было не зря. Потому что теперь, когда он смотрел на своих учеников, он видел не солдат. Он видел садоводов. Людей, которые будут растить жизнь, а не убивать смерть.

— Ну вот, — тихо сказал он Whisper, которая стояла рядом. — Кажется, я всё-таки не зря зашёл в эту игру.

Whisper улыбнулась — той самой, редкой, драгоценной улыбкой.

— Ты зашёл в неё, чтобы сажать, — сказала она. — И ты сажаешь. Не только семена. Надежду.

— Надежду, — повторил Иван Петрович и усмехнулся. — Слышишь, как это звучит? «Агроном, сажатель надежды». Может, на визитку вынести?

— Обязательно, — ответила Whisper. — Как только напечатаем.

Они стояли рядом, старый фермер и слепая лучница, и смотрели на закат. А над ними, в вечернем небе, загорались первые звёзды — те самые, что видели начало этой истории. И те, что увидят её продолжение.

Конец главы.

Глава 2. «Учебник биологии»

Часть 1. Вечерняя идея

Тишина над «Колхозом» стояла такая, что было слышно, как перешёптываются корни под землёй. Луна, тонкая и бледная, висела над восточными холмами, и её серебристый свет заливал поля, теплицы и площадь. Где-то вдалеке, в кузнице мастера Юджина, ещё стучал молот — кто-то из ночных сменщиков правил лопату после дневной работы. Где-то ближе, у костров, тихо переговаривались дозорные. А в подземной лаборатории Ивана Петровича, куда вела узкая винтовая лестница от старого сарая, горели все магические кристаллы.

Они горели не потому, что старик что-то взрывал или выводил новый сорт смертоносной картошки. Нет, сейчас в лаборатории царила тишина иного рода. Иван Петрович сидел за грубо сколоченным столом, положив перед собой стопку глиняных табличек, исписанных его корявым, но разборчивым почерком. Рядом лежали кусочки угля, пара увеличительных стёкол и, конечно, неизменная кружка с остывшим травяным отваром.

Проблема была в том, что он не мог разобрать собственные записи.

— Вот это что, — бормотал он, водя пальцем по строчке, — «корень-удавка скрещивать с...» с чем? С «Поющей травой»? Или с «Колючкой»? Почерк, блин, как у курицы лапой. А ведь сам писал, всего-то полгода назад. Старость — не радость.

Рядом с ним, на низкой скамеечке у стены, сидела Whisper. Её глаза были закрыты, но лицо выражало спокойное, почти сонное внимание. Она не спала — она «слушала» лабораторию, слушала, как старик возится с табличками, как тихо потрескивают кристаллы, как где-то далеко, в теплицах, её растения перешёптываются о ночном поливе. И в этом шёпоте, в этой безмолвной симфонии жизни, она находила покой.

— Ты их не разберёшь, дедушка, — тихо сказала она, не открывая глаз. — Я уже заметила. Ты писал эти таблички ночью, после боёв, когда руки дрожали от усталости. Тогда тебе было не до каллиграфии.

— И то верно, — вздохнул Иван Петрович, отодвигая таблички. — Но что теперь делать? Новым ученикам нужны материалы. А я не могу запомнить всё, что вывел за эти годы. У меня уже сотни гибридов. Каждый со своими особенностями. Кто-то любит тень, кто-то — солнце. Кто-то размножается спорами, кто-то — черенками. А кто-то, как этот чёртов помидор, — одними укусами.

Он покосился в угол, где в большом глиняном горшке, оплетённом корнями «Цепкого плюща», дремал тот самый помидор. Обычный, казалось бы, помидор. Ну, не совсем обычный — его стебель был толщиной с руку взрослого мужчины, листья имели неприятный красноватый оттенок, а плоды, размером с кулак, пульсировали тусклым зелёным светом. Это был один из первых экспериментов Ивана Петровича, неудачный с боевой точки зрения, но очень показательный. Помидор не стрелял, не взрывался и даже не плевался ядом. Он просто... кусался. И делал это с упорством, достойным лучшего применения.

Помидор, словно почувствовав, что о нём говорят, чуть шевельнул листьями и издал тихое, угрожающее «пш-ш-ш».

— Вот, слышишь? — сказал Иван Петрович. — Даже спящий — и тот гадит. А ведь я его выводил как мирный сорт. Хотел, чтобы помидоры сами с куста падали, когда созреют. А получился вот этот... агрессор.

Whisper улыбнулась.

— Ты его всё равно любишь, — сказала она. — Поливаешь каждый день. Разговариваешь с ним. Даже споришь, когда он кусается.

— Люблю, — нехотя признался старик. — Но это не значит, что я должен терпеть его выходки. Ладно, чёрт с ним. Что делать с табличками? Переписывать? У меня недели уйдёт.

— Зачем переписывать? — Whisper открыла глаза и посмотрела на него — невидящими, но такими внимательными глазами. — Ты можешь просто рассказывать. Диктовать. В общий чат. Или в локальный, для учеников.

Иван Петрович замер.

— Диктовать? — переспросил он, пробуя слово на вкус. — Как лекции?

— Как лекции, — подтвердила Whisper. — У тебя же Академия. Учёные степени. Дипломы. Почему бы не читать лекции? Ты будешь говорить — а кто-то будет записывать. Кривой Нож, например. У него почерк разборчивее твоего.

— Кривой Нож? — усмехнулся Иван Петрович. — Он же заснёт через пять минут. У него внимание, как у воробья. Сядет на ветку, чирикнет — и улетел.

— Тогда Лиам. Или Мира. Или даже «Странник» — он, говорят, в своё время стенографировал военные советы.

Иван Петрович задумался. Идея была не лишена смысла. Во-первых, так он сохранит знания для будущих поколений фермеров. Во-вторых, это будет живое общение — ученики смогут задавать вопросы сразу, а не разбирать сухие записи. В-третьих...

— А что, — сказал он, потирая подбородок, — а в-третьих, это даже забавно. Пусть все знают, как я выводил «Гнилой Картофель». Может, хоть перестанут бояться. Картошка — она и есть картошка. Просто с характером.

Он поднялся, взял кружку, сделал глоток — и поморщился. Отвар совсем остыл. Холодный травяной чай — это, конечно, тоже напиток, но не для вечера. Он поставил кружку на стол и потянулся к амулету связи — тому самому, что висел у входа в лабораторию на гвозде, вбитом в стену ещё во времена войны с «Ястребами».

— Кривой Нож! — рявкнул он в амулет. — Ты где? Спишь, что ли?

Из амулета донёсся сонный, сварливый голос:

— Деда... ну ты чего? Четвёртый час ночи. Я только лёг. Мы же вчера турнир лопат разбিরали, я устал как собака...

— Завтра, то есть уже сегодня, в десять утра — сбор у Чёрного Цветка. Всем. И ученикам, и старикам, и кому не лень. Буду лекцию читать.

Пауза. Потом, с недоверием:

— Лекцию? Деда, ты заболел?

— Не заболел, а мемуары диктовать буду. Чтобы не пропало добро. Всё, отбой. Спи давай.

Он отключил амулет и повернулся к Whisper.

— Вот так. Завтра начнём. Первая лекция — «Как я стал Агрономом, или Почему меня убили три раза за первые десять минут».

Whisper снова улыбнулась — той самой, редкой, драгоценной улыбкой, от которой у Ивана Петровича всякий раз теплело на душе.

— Это будет интересно, — сказала она.

— Или скучно, — вздохнул старик. — Но попробовать стоит. А теперь — спать. Завтра тяжёлый день. Голова нужна свежая.

Он потушил кристаллы, оставив только один — самый тусклый, чтобы не споткнуться на лестнице, и, опираясь на сапку, зашагал к выходу из лаборатории. За ним, бесшумно, как тень, последовала Whisper.

Помидор в углу проводил их тихим, едва слышным «пш-ш-ш».

— — Часть 2. Первая лекция: Философия сорняка

На следующее утро, ровно в десять, у Чёрного Цветка собралось полсотни человек. Это были не только пятеро учеников первого потока — Эдвард, Лили, Корней, Рен и «Странник». Пришли и старые ветераны: Гуннар, Разог, Эйнар, Ханзо. Пришли даже несколько новичков, которые только подали заявки на второй поток и хотели посмотреть, чем тут вообще занимаются. Пришёл и Кривой Нож, с красными глазами и глиняной табличкой в руках, приготовившись записывать.

Иван Петрович сидел на своём излюбленном обломке жернова, опираясь на сапку. На голове его красовалась неизменная соломенная шляпа. Рядом, на низкой скамеечке, сидела Whisper, закутавшись в плащ. А у ног старика, в горшке, стоял тот самый помидор — на случай, если станет скучно.

— Значит, так, — начал Иван Петрович, и его голос, хрипловатый и спокойный, разнёсся над площадью. — Некоторые из вас, наверное, думают, что я сейчас начну рассказывать про удобрения, севооборот и способы борьбы с магической тлём. Нет. Сегодня будет другое. Сегодня я расскажу вам, как вообще всё начиналось. Как я, старый дурак, зашёл в эту игру, думая, что буду спокойно сажать морковку, а вместо этого стал... ну, кем я стал.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил:

— Первое, что вы должны понять. [Мирный Житель] — это не баг. Это не ошибка разработчиков. Это — диагноз. Когда я создавал персонажа, я не знал, что этот класс «мемный». Я просто нажал на кнопку «Мирный Житель», потому что воевать не хотел. Я хотел копать. Сажать. Поливать. Собирать урожай. И всё.

Эдвард, сидевший в первом ряду, поднял руку.

— Вопрос, учитель.

— Давай.

— А вы не жалеете? Ну, что выбрали этот класс? Ведь если бы вы выбрали боевого, может, война закончилась бы быстрее. Или вообще не начиналась.

Иван Петрович покачал головой.

— Нет, сынок. Не жалею. Потому что если бы я выбрал боевой класс, меня бы убили в первый же день. Навсегда. А так... меня убивали трижды. За первые десять минут. И каждый раз я возрождался и шёл обратно. Потому что мне было нечего терять, кроме семян моркови. А морковь, знаешь ли, вырастить можно снова. Честь и гордость — нет.

Кто-то в толпе хмыкнул. Гуннар, стоявший в стороне, скрестил руки на груди и хмуро уставился на старика. Но не перебивал.

Иван Петрович отхлебнул из кружки (чай, слава богу, был горячим — Мира позаботилась) и продолжил:

— Теперь — главное. Растения. Мои растения. Те, что вы видели в бою. Подсолнухи-лазеры. «Ежи-пулемётчики». «Гнилой Картофель». «Сладкая Вата». Всё это — не оружие. Понимаете? Они не рождены убивать. Они рождены расти. А то, что они убивают — это просто... защита. Как у ёжика иголки. Он же не думает: «Вот сейчас насажу на иголки этого гада». Он просто сворачивается в клубок и ждёт. А иголки — они сами. Так и здесь.

Он поднял сапку и указал ею на Чёрный Цветок.

— Вот этот, например. Чёрный Цветок. Вырос из пепла, после того как «Ястребы» сожгли мои поля. Я не приказывал ему расти. Я просто... посадил семечко. Полил. Поговорил. А он вырос. И теперь он — символ. Не войны — жизни.

— А помидор? — раздался голос Кривого Ножа. — Тоже символ?

Все посмотрели на горшок. Помидор, словно почувствовав внимание, зашевелил листьями и издал тихое, угрожающее «пш-ш-ш».

Иван Петрович вздохнул.

— Помидор — это исключение. Он просто... вредный. Не берите с него пример.

По рядам пробежал смех. Напряжение, висевшее в воздухе, немного рассеялось. Иван Петрович воспользовался моментом и продолжил:

— Так о чём я? А, о главном. Если тебя не могут ударить — значит, ты можешь делать всё, что угодно, пока не наносишь урон. А растения урона не наносят. Они просто... защищаются. Это важно понять. Потому что если ты пойдёшь в бой с мыслью «я сейчас убью всех этих гадов», твои растения не помогут. Они почувствуют твою злобу и засохнут. Или, что хуже, повернутся против тебя.

Он кивнул в сторону помидора.

— Вот, наглядный пример. Я его когда-то не полил — обиделся. Теперь кусается. И ничего с ним не сделаешь. Потому что растение помнит.

— Деда, — подал голос Кривой Нож. — А можно вопрос не по теме?

— Давай.

— А что вы тогда делали в чате вчера ночью? Я проснулся, а там сообщение: «...и так, блин, этот корень пошёл вверх, а Коля, убери ложку, я не слышу себя...» Это вы диктовали?

Иван Петрович крикнул.

— Это я тренировался. Неудачно. Ты, Кривой Нож, жрал суп в это время. Громко. Я тебя слышал даже через амулет.

— А я при чём? — возмутился Кривой Нож. — Я есть хотел!

— Вот поэтому я сегодня без диктофона. Буду сам рассказывать. А вы — слушать и запоминать. Или записывать, если хотите. Кривой Нож, ты готов?

Кривой Нож поднял глиняную табличку и уголь.

— Готов, деда.

— Тогда — первая лекция. Тема: «Как я выводил Куст-Плеваку, или Первый раз — он страшный».

— — Часть 3. Куст-Плевака и первая кровь

Иван Петрович замолчал, собираясь с мыслями. Воспоминания о тех днях были яркими, почти болезненными. Ему казалось, что прошла вечность с тех пор, как он, беспомощный и неумелый, впервые появился на «Кровавых полях». А на самом деле — всего лишь год. Один игровой год. Но сколько всего случилось за этот год...

— Значит, так, — начал он. — Первый день. Я появляюсь в локации «Кровавые поля». Вокруг — игроки. Все в броне, с мечами, с посохами. А я — в телогрейке и с семенами моркови в кармане. Семена были моим стартовым лутом. Ничего больше.

Он помолчал и добавил:

— Через три минуты меня убили. Взяли и убили. Забрали семена. Я возродился. Пошёл обратно. Через две минуты — опять убили. Опять забрали семена. В третий раз я уже полз. Не шёл — полз. Прятался в высокой траве. Думал, может, не заметят. Заметили. Убили. И на этот раз даже смеялись.

— И что вы сделали? — спросил Эдвард, и в его голосе прозвучало сочувствие.

— А что я мог сделать? — усмехнулся Иван Петрович. — У меня не было ни оружия, ни магии, ни денег. Только голые руки и желание выжить. Я пополз в другую сторону. От места возрождения. Туда, где никого не было. И нашёл заброшенный клочок земли. У старой мельницы. Земля там была плохая — каменистая, сухая. Но это была моя земля.

Он указал сапкой на восток, туда, где за теплицами виднелись остатки той самой мельницы.

— Там я и начал. Первым делом — вскопал участок. Руками. Лопаты не было. Пальцами. Долго. Больно. Но вскопал. Потом посадил семена — те, что остались. У меня их было немного. Штук пять. Морковь, свёкла, что-то ещё. И стал ждать.

Лили, сидевшая рядом с Эдвардом, тихо спросила:

— А как же «Куст-Плевака»? Это же не морковь.

— Не торопись, — остановил её Иван Петрович. — Всему своё время. «Куст-Плевака» появился позже. Когда я понял, что одной морковью сыт не будешь. Вокруг, на «Кровавых полях», водились монстры. Низкоуровневые, но злые. И они постоянно лезли на мой огород. Топтали грядки. Жрали всходы. Я пытался их отгонять — руками. Бесплезно. Они меня не боялись. И тогда я решил: нужно что-то, что будет их пугать. Но не убивать — просто пугать.

— И вы создали «Куст-Плеваку»? — спросил Рен, подавшись вперёд.

— Создал, — кивнул Иван Петрович. — Случайно. Я нашёл дикий куст — колючий, вонючий, растущий у самой мельницы. И рядом — ядовитую ягоду. Красную, блестящую, красивую. Я подумал: «А что если их скрестить?» Тогда я ещё не умел толком пользоваться

«Шёпотом флоры». Действовал наугад. Срезал ветку куста, привил к ней почку ягоды, обмотал тряпкой и полил.

— И что выросло? — спросил Корней, старый шахтёр, который до этого молчал.

— Выросло чудовище, — честно ответил Иван Петрович. — Куст, который плевался ядовитыми семенами. Не стрелял — именно плевался. С расстояния в два-три метра. Попадал не всегда, но если попадал — жертву начинало тошнить. Не смертельно, но отвлекало.

— И это всё? — разочарованно спросил Эдвард.

— Нет. Через три дня, когда я поливал куст, мимо пролетала гарпия. Низкоуровневая, глупая. Увидела мои грядки и решила пожить. Нырнула вниз, к теплице — а куст как плюнет! Прямо в глаз. Гарпия завизжала, потеряла управление и врезалась в мельницу. Насмерть.

В толпе ахнули.

— Это была моя первая победа, — тихо сказал Иван Петрович. — Я не планировал. Я просто сажал. А куст защищал себя. И меня заодно. С тех пор я понял: растения — они не тупые. Они чувствуют. И если ты даёшь им жизнь, они платят тебе тем же.

Помидор в горшке зашевелился. Иван Петрович посмотрел на него и усмехнулся.

— Не то что некоторые. Этот вот только кусается.

Помидор издал обиженное «пш-ш-ш».

— Деда, — спросил Кривой Нож, не отрываясь от таблички. — А можно подробнее про прививку? Как вы это делали? Технология?

— Технология простая, — ответил Иван Петрович. — Берёшь одно растение — донора. Второе — акцептора. Делаешь надрез на стебле. Соединяешь камбием к камбию. Обматываешь. Ждёшь. Если не засохло — прижилось. Если засохло — пробуй снова. Я так пробовал раз двадцать, пока не получилось. А потом — ещё сто, чтобы понять, почему получилось.

Он отхлебнул чаю и добавил:

— Главное — не торопиться. Растения не любят спешки. Они, знаете, как дети? Чем больше ты на них давишь, тем упрямее становятся. А если ты ждёшь и веришь — они раскрываются.

В этот момент помидор, воспользовавшись тем, что Иван Петрович отвлёкся, выполз из горшка и, пошатываясь, пополз к его ноге. Старик заметил это слишком поздно.

— Ай! — рявкнул он, отшвыривая помидор ногой. — Вот же... паршивец! Слушай дальше, чат, а, простите, ученики: этот помидор — живой пример того, что растения помнят обиды. Я его однажды не полил, он мне теперь мстит. Ай! Опять!

Помидор, не долетев до стены, как-то умудрился развернуться в воздухе и цапнуть старика за палец. Whisper, сидевшая рядом, тихо рассмеялась — тем самым редким, драгоценным смехом, который всегда разряжал обстановку.

— Вот, — сказал Иван Петрович, показывая всем прокушенный палец. — Наглядное пособие. Никогда не пренебрегайте поливом. И не обижайте растения. Они мстят. И помидоры — самые злопамятные.

— А что вы с ним сделаете? — спросила Лили, глядя на помидор с жалостью.

— А что я сделаю? — вздохнул Иван Петрович. — Буду поливать дальше. Он же мой. Вредный, гадкий, но мой. Как ребёнок, которого не просили, а он родился. И теперь ты за него отвечаешь.

Он поднял помидор, стряхнул с него пыль и поставил обратно в горшок.

— Сиди. И не кусайся. А то закопаю в навоз.

Помидор притих — но ненадолго.

— —

Часть 4. Тыква-мина: как я взорвал свой первый сарай

— Ну что, — сказал Иван Петрович, когда смех затих. — Перейдём к следующей истории. Тыква. Многие из вас видели тыквы-мины в бою. Кто-то — снаружи, кто-то — изнутри. Но мало кто знает, как они появились.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Воспоминание было не из приятных — но именно такие, болезненные, часто оказывались самыми полезными.

— Это был мой четвёртый эксперимент. До этого я уже вывел «Куст-Плеваку», «Цепкий плющ» и «Колючку-слезу». Но всё это были мелкие штучки. А тыква... тыква была серьёзной.

Он указал сапкой на восток.

— Там, где сейчас стоит третья теплица, раньше был мой первый сарай. Деревянный, кривой, но свой. Я в нём хранил инструменты, семена, немного удобрений. И тыквы. Обычные тыквы, которые я выращивал на еду. Я тогда ещё не знал, что тыквы могут быть оружием. Я просто хотел получить сорт покрупнее. Сладкий, сочный, урожайный.

— И что пошло не так? — спросил Эдвард.

— Всё пошло не так, — вздохнул Иван Петрович. — Я скрестил обычную тыкву с «Колючкой-слезой». Думал, получу тыкву, у которой кожура будет колючей — чтобы вредители не грызли. А получил тыкву, которая... не любила, когда её тревожат.

Он замолчал, глядя вдаль.

— Она росла три недели. Большая, оранжевая, красивая. Я поливал её, удобрял, разговаривал. Думал: «Вот вырастет — сделаю из неё суп». А она взяла и созрела.

Лили наклонила голову.

— И что? Созрела — и всё?

— Созрела — и взорвалась, — сказал Иван Петрович. — Как граната. Осколки разлетелись во все стороны. Сарай — всмятку. Инструменты — в щепки. Семена — в пепел. А я...

Он запнулся, потирая затылок.

— А я стоял в двух шагах. И каким-то чудом не пострадал. Увернулся. Как — не помню. Может, помидор толкнул. Но это неважно. Важно другое. Я понял, что тыква можно использовать как оружие. Замедленного действия. Посадил — и забыл. А враг наступит — и всё.

— Но вы же не хотели создавать оружие! — воскликнула Лили.

— Не хотел, — подтвердил Иван Петрович. — Но получилось. И тогда я решил: раз уж так вышло, надо научиться контролировать. Чтобы тыква взрывалась не тогда, когда ей вздумается, а тогда, когда мне нужно. И чтобы я мог её обезвредить, если понадобится.

— И как? — спросил Рен.

— Пришлось учиться. Долго. Больно. Я взорвал ещё три сарая, прежде чем понял механику. Тыква реагирует на вибрацию. Если к ней приближается что-то тяжёлое и быстрое — она взрывается. Если медленное и осторожное — нет. Поэтому, если наступить на неё резко — бабах. А если аккуратно коснуться рукой — можно обезвредить.

Он посмотрел на свои руки — заскорузлые, покрытые шрамами.

— Я научился. Методом тыка. Буквально. Сотни тыкв обезвредил. И каждая могла меня убить. Но я не боялся. Потому что знал: если бояться — они рванут. Если спокоен — уснут.

— Как собака, — тихо сказал «Странник», который до этого молчал.

— Как собака, — кивнул Иван Петрович. — Только вместо косточки — удобрение.

В этот момент помидор, который до этого сидел смирно, решил снова проявить активность. Он подполз к ноге Ивана Петровича и, разбежавшись, врезался в голенище сапога. Старик даже не вздрогнул.

— Вот, — сказал он, указывая на помидор. — Тоже своего рода мина. Только вместо взрыва — укус. И обезвредить нельзя. Только терпеть.

Помидор издал довольное «пш-ш-ш».

Кривой Нож, строчивший на табличке, поднял голову.

— Деда, а можно технические детали? Как вы деактивировали тыквы? Мы потом ученикам передадим.

— Технические детали, — задумался Иван Петрович. — Ну, смотри. Тыква чувствует давление. Если давление резкое — она думает: «На меня нападают!» — и взрывается. Если плавное — думает: «Меня гладят» — и успокаивается. Поэтому алгоритм простой: подходишь медленно. Опускаешься на корточки. Кладёшь руку на тыкву — нежно, как на больного котёнка. Ждёшь, пока перестанет вибрировать. Потом поворачиваешь плодоножку на пол-оборота против часовой стрелки. Всё. Обезврежена. Можно убирать.

— А если перепутать направление? — спросил Эдвард.

— Если перепутать — бабах, — усмехнулся Иван Петрович. — Я на этом три пальца потерял. Правда, в игре они отросли. Но осадочек остался.

Он показал левую руку. На указательном пальце действительно был едва заметный шрам — след от старого взрыва.

— Вот. Наглядное пособие. Никогда не торопитесь при деактивации. И никогда не делайте это в одиночку. Всегда кто-то должен стоять рядом с аптечкой. Или с лопатой — чтобы откопать, если что.

В толпе снова пробежал смех. Но смех был нервным — все представляли себе эту картину.

— Ладно, — сказал Иван Петрович. — С тыквами понятно. Переходим к следующему.

— —

Часть 5. «Генеральская тля»: ошибка, ставшая оружием

— Следующая история будет о тле, — произнёс Иван Петрович, и голос его стал серьёзнее. — О той самой, которую вы, наверное, запомнили по войне. Которая выпила ману из магов Аларика и Такахаша. Которая заставила целые армии проснуться без доспехов и оружия.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Это была ошибка. Чистой воды ошибка. Я не хотел создавать оружие массового поражения. Я хотел... я хотел вывести средство от магических сорняков.

— От сорняков? — переспросила Лили. — Какие сорняки бывают в «Аргаре»?

— Обычные, — ответил Иван Петрович. — Только питаются они не только из почвы, но и из магических полей. И растут быстрее, чем их выпалывают. Я думал: «А что, если вывести тлю, которая будет жрать эти сорняки? Не пестицидами — биологическим методом. Экологично».

Он покачал головой.

— Получилось не экологично. Получилось смертоносно. Тля, которую я вывел, питалась не сорняками. Она питалась магией. Любой магией. Сорняков, растений, игроков, големов. Ей было всё равно. Главное — чтобы была мана.

— И вы её выпустили? — спросил Рен с ужасом в голосе.

— Нет, — ответил Иван Петрович. — Я её запечатал. В подземной лаборатории. В специальных террариумах. И поклялся никогда не использовать. Потому что понял: эта тля — оружие абсолютное. Она не различает своих и чужих. Она жрёт всё, что движется и кастует.

— Но вы использовали её в войне, — тихо сказал «Странник».

— Использовал, — не стал отрицать Иван Петрович. — Потому что враг был у ворот. Потому что если бы я не использовал тлю, моих людей убили бы. А я не мог этого допустить.

Он помолчал, глядя на свои руки.

— Я не горжусь этим. Я до сих пор вижу сны, где тля вырывается из лаборатории и жрёт мой огород. Мои огурцы. Мою морковку. Мой Чёрный Цветок. И я ничего не могу сделать. Потому что тля — это не растение. Это... монстр. Которого я создал по глупости.

— Но вы её контролировали, — заметил Эдвард. — Она не вырвалась.

— Контролировал, — кивнул Иван Петрович. — Потому что я знал её слабые места. Тля живёт недолго. День-два, максимум. После этого она умирает. И если за это время не дать ей размножиться — она не вырвется. Поэтому я выпустил её в самый нужный момент. И собрал всех особей, которые ещё не успели умереть. Сжёг их. В специальной печи.

— И всё? — спросила Лили.

— И всё, — ответил Иван Петрович. — Больше я её не использую. И не буду. Даже если враг снова придёт. Потому что есть вещи, которые нельзя применять дважды. Один раз — ошибка. Второй — преступление.

В толпе повисла тишина. Все обдумывали услышанное. Потом «Странник» поднял руку.

— Учитель, — сказал он. — Вы рассказали о тле. Но вы не рассказали, как вывели её. Технология.

— Технология простая, — ответил Иван Петрович. — Я скрестил обычную тлю с «Поющей травой» и «Магическим мхом». «Поющая трава» дала ей способность чувствовать магию на расстоянии. «Магический мох» — способность накапливать её и перерабатывать. А обычная тля дала... ну, плодовитость.

— Плодовитость? — переспросил Кривой Нож, поднимая голову от таблички.

— Одна особь откладывает сотни яиц за сутки, — сказал Иван Петрович. — Если не контролировать — за неделю вся «Артара» будет кишеть тлём. И никакие маги не помогут.

Он посмотрел на помидор, который снова начал шевелиться.

— Вот почему я держу её в запечатанных террариумах. И никого туда не пускаю. Даже тебя, Кривой Нож.

— А я и не хочу, — поёжился тот. — Я тлю ещё с войны помню. Жуткая тварь.

— Не тварь, — поправил Иван Петрович. — Просто... слишком совершенное оружие. Слишком. Человеку не стоит иметь такого.

Помидор, словно почувствовав смену настроения, тихо замер в горшке.

— — Часть 6. Нежданный вопрос из прошлого

Иван Петрович хотел продолжить, но в этот момент в локальном чате, который был привязан к площади, вспыхнуло новое сообщение. Его увидели все, у кого был включён интерфейс — а у большинства был.

[Архонт]: Агроном. Я слушаю.

По рядам пробежал шёпот. Архонт. Бывший лидер «Стальных Ястребов». Тот самый, кто построил «Замок на костях». Тот самый, кто применил «Священный Огонь», чтобы сжечь поля Ивана Петровича. Тот самый, кто проиграл войну, потерял гильдию и исчез из игры на долгие месяцы. И вот он снова здесь.

Гуннар, стоявший в стороне, положил руку на меч. Ханзо, сидевший на корточках, чуть напрягся. Razor мрачно уставился на чат. Даже Whisper открыла глаза и повернула голову в сторону, откуда теоретически мог исходить сигнал — хотя сигнал шёл из глубины сервера, не с площади.

Иван Петрович спокойно отхлебнул чаю и ответил:

[Иван Петрович]: Слышу, Архонт. Давно не появлялся. Как жизнь?

Пауза. Потом:

[Архонт]: Жизнь — как навозная куча. Но я не за этим. Ты рассказываешь про свои растения. Про тлю. Про тыквы. Про кусты. Но ты не рассказал главного.

[Иван Петрович]: И что же это — главное?

[Архонт]: Как ты остался человеком. Я строил замок. Я убивал. Я жёг твои поля. А ты... ты убивал моих людей. Но ты остался дедом. А я стал монстром. Почему?

На площади воцарилась тишина. Такая глубокая, что было слышно, как потрескивают магические кристаллы на столбах. Все смотрели на Ивана Петровича. Даже помидор замер, не издавая ни звука.

Иван Петрович долго молчал. Допивая чай. Поставил кружку. Поправил шляпу. Потом медленно, очень медленно заговорил. Но не в голос — в чат, чтобы все видели.

[Иван Петрович]: Потому что я, Архонт, всегда знал, для чего сажаю. Не для убийства. Для того, чтобы мои огурцы выросли. Чтобы мои ученики не голодали. Чтобы моя земля родила. А ты строил замок для власти. Для страха. Для того, чтобы тебя боялись. Вот и вся разница.

Пауза. Архонт не отвечал. Иван Петрович продолжил:

[Иван Петрович]: Ты спрашиваешь, как остаться человеком, когда вокруг война. Отвечу. Нужно каждый день делать что-то, что не связано с войной. Полить огурцы. Поговорить с

помидором. Покормить кота. Если ты занят только войной — ты становишься войной. А если у тебя есть грядка, которая ждёт полива — ты остаёшься садовником. Даже когда держишь в руках меч.

[Архонт]: У меня нет грядки. И никогда не было.

[Иван Петрович]: Так заведи. Земля не кусается. Помидор — да, но не земля. Посади что-нибудь. Хотя бы лук. Он неприхотливый. И поливай. Через месяц увидишь разницу.

Архонт долго молчал. Все затаили дыхание. Потом:

[Архонт]: Я подумаю.

И вышел из чата.

Иван Петрович вздохнул и повернулся к собравшимся.

— Вот так. Даже у врагов есть шанс. Если они готовы его использовать.

— А если не готовы? — спросил Гуннар, не убирая руки с меча.

— Тогда... тогда пусть идут своей дорогой. А мы — своей. У нас тут урожай.

— — Часть 7. Помидорная этика

— Ладно, — сказал Иван Петрович, когда напряжение немного рассеялось. — Последняя история на сегодня. Самая короткая. И самая важная.

Он указал на помидор, который снова начал шевелиться.

— Этот помидор. Многие из вас его боятся. Некоторые — ненавидят. А некоторые, как Кривой Нож, даже пытались с ним подружиться. Но безуспешно. Потому что помидор — он такой. Характер.

— Деда, ну какой характер? — возмутился Кривой Нож. — Это же просто баг!

— Не баг, — покачал головой Иван Петрович. — А фича. Он кусается не потому, что злой. Он кусается, потому что я его однажды не полил. И он запомнил. И теперь мстит. Каждый день. Каждый раз, когда видит меня.

Он наклонился и погладил помидор. Тот зашипел, но не укусил.

— Понимаете? Растения помнят. Не так, как мы — словами и образами. А иначе. На уровне химии. На уровне вибраций. Если ты был к ним добр — они ответят добром. Если был зол — они засохнут. Или, как этот, начнут кусаться.

— А что делать, если растение злое? — спросила Лили.

— Любить, — ответил Иван Петрович. — Несмотря ни на что. Поливать. Удобрять. Разговаривать. Рано или поздно оно отгадет. Или не отгадет — но хотя бы перестанет кусаться. Проверено на этом.

Он погладил помидор ещё раз. Тот издал довольное «пш-ш-ш» и свернулся листиком, словно котёнок.

— Вот видите, — сказал Иван Петрович. — Даже у самого вредного овоща есть шанс.

— А если не отгадет? — спросил Эдвард.

— Тогда... — старик вздохнул, — тогда терпи. Потому что это твоя ответственность. Ты его вырастил — ты за него отвечаешь. Как за ребёнка. Как за ученика. Как за самого себя.

Он поднялся, опираясь на сапку.

— На сегодня всё. Лекция окончена. Кривой Нож, запиши, что я говорил. Разбери по темам. Завтра продолжим. Тема — «Солнечный удар, или Как подсолнухи стали лазерами».

— А помидор? — спросил Кривой Нож.

— Помидор оставь. Пусть живёт. Хотя бы для того, чтобы помнить: даже самый вредный овощ имеет право на второй шанс.

Он повернулся и, опираясь на сапку, зашагал к своему шалашу. За ним, как всегда, последовала Whisper.

Помидор, оставшись в горшке, проводил их тихим, почти ласковым «пш-ш-ш».

— — Часть 8. Вечерний разговор

Ночь опустилась на «Колхоз». Луна, тонкая и бледная, висела над восточными холмами, и её серебристый свет заливал поля, теплицы и площадь. В подземной лаборатории Ивана Петровича горел один-единственный магический кристалл — самый тусклый, чтобы не слепить глаза.

Старик сидел за столом, перечитывая записи Кривого Ножа. Тот, несмотря на своё ворчание, сделал работу на совесть. Таблички были исписаны аккуратным, разборчивым почерком, с заголовками, подзаголовками и даже маленькими рисунками на полях — помидор, кусающий палец, был изображён с особым тщанием.

— Неплохо, — пробормотал Иван Петрович. — Совсем неплохо. Может, и правда — напечатаем. Книжкой. «Учебник биологии для начинающих фермеров». Или «Мемуары старого агронома». Что думаешь?

Whisper, сидевшая на скамеечке у стены, улыбнулась.

— Думаю, что ты слишком скромн. Это будет бестселлер.

— Бестселлер, — усмехнулся Иван Петрович. — Кому нужны мои мемуары? Стариковские бредни.

— Всем, — ответила Whisper. — Тем, кто был с тобой. Тем, кто пришёл после. Тем, кто ещё придёт. Потому что ты, дедушка, — не просто фермер. Ты — легенда. А легенды должны оставлять после себя книги. Не только грядки.

Иван Петрович долго молчал, глядя на потолок. Потом кивнул.

— Ладно. Убедила. Будет книга. Но сначала — завтрашняя лекция. Про подсолнухи. Это будет посложнее, чем про помидоры.

Он потушил кристалл и, опираясь на сапку, зашагал к выходу. За ним, бесшумно, последовала Whisper.

Помидор в углу, свернувшись листиком, тихо посапывал во сне.

Где-то там, в глубине сервера, Архонт сажал свой первый лук.

Конец главы.

Глава 3. Болезнь роста

Часть 1. Утро гордых учеников

Утро над «Колхозом» выдалось ясным и по-летнему тёплым. Солнце, уже успевшее подняться над восточными полями, заливало лагерь золотистым, почти ласковым светом, в котором капли росы на листьях «Золотой пшеницы» сверкали, как россыпи мелких бриллиантов. Воздух, чистый и прозрачный, пах свежескошенной травой, молодой крапивой и тем особенным, ни с чем не сравнимым ароматом, который бывает только в утренних огородах, — ароматом земли, готовой родить.

Иван Петрович, как обычно, сидел на своём излюбленном обломке жернова у корней Чёрного Цветка и пил травяной отвар. Старый, потрёпанный плащ был накинут на плечи, соломенная шляпа надвинута на глаза, а в руке дымилась глиняная кружка. Рядом, свернувшись клубочком на старой овчине, дремала Whisper. Она редко позволяла себе отдыхать по утрам, но сегодня даже её чуткий слух не улавливал ничего, что требовало бы немедленного вмешательства. В лагере царил мир.

А в нескольких десятках шагов от них, у входа в учебную теплицу, этот мир начинал потихоньку потрескивать от избытка юношеского энтузиазма.

Пятеро учеников Академии Ботаники — те самые, которые месяц назад получили свои именные лопаты и статус первых дипломированных фермеров сервера, — собрались на утреннюю планерку. Эдвард, бывший рыцарь, а ныне самый ретивый сторонник «активной обороны», расхаживал перед остальными, жестикулируя так, словно всё ещё держал в руках меч, а не черенок от граблей.

— Я говорю вам, мы застряли на месте! — восклицал он, и его голос, молодой, но уже с командирской хрипотцой, разносился по всей округе. — Дедушка учит нас основам, это правильно. Но мы не хотим всю жизнь только морковь сажать! Мы хотим творить!

Лили, хрупкая девушка-маг с печальными глазами, сидела на скамейке и нервно теребила край своей новой холщовой рубахи.

— Эдвард, он предупреждал, — тихо сказала она. — Растения — это не оружие. Им нельзя приказывать.

— Не оружие? — хмыкнул Рен. Молодой ниндзя, ученик Ханзо, стоял чуть поодаль, прислонившись спиной к стене теплицы, и его тень, длинная и острая, тянулась по земле, как чёрный кинжал. — А «Ежи»? А подсолнухи-лазеры? А «Гнилой Картофель», который до сих пор хранится в подвалах? Дедушка сам создал целый арсенал. Просто он не доверяет нам.

Корней, пожилой шахтёр с руками, похожими на корни старого дуба, молча перетачивал лезвие лопаты точильным камнем. Он не вмешивался в споры, но его насупленное лицо говорило само за себя: он был на стороне тех, кто хотел действовать, а не ждать.

— И что ты предлагаешь? — спросил, наконец, «Странник». Легендарный тактик сидел на корточках в стороне от всех и, казалось, изучал муравья, ползущего по травинке. Его голос, как всегда, был спокоен и бесстрастен, но в глазах, когда он поднял их на Эдварда, горел холодный, изучающий огонёк.

— Я предлагаю создать своё растение, — твёрдо ответил Эдвард. — Не копировать дедушкины, а придумать что-то новое. Своё. Наше. Чтобы все — и Гуннар, и Ханзо, и даже старый ворчун Юджин — увидели, что мы не просто ученики. Мы — фермеры. Настоящие.

В теплице повисла тишина. Даже Корней перестал точить лопату. Лили замерла, боясь пошевелиться. Рен, напротив, чуть подался вперёд, и его тень задвигалась, как живая.

— Что ты хочешь создать? — спросил он.

— «Чертополох-переросток», — сказал Эдвард, и в его голосе прозвучала та самая, восторженная уверенность, которая всегда появлялась у него, когда он говорил о чём-то, что считал гениальным. — Представьте: живая стена из колючек, которая вырастает за минуту. Которая сама атакует врага. Которая не требует ни подсолнухов, ни «Ежей», ни магов. Посадил — и забыл. Враг сунулся — и получил шипов в морду.

— Звучит... агрессивно, — заметила Лили.

— Звучит эффективно, — поправил её Рен.

«Странник» молчал, но его глаза, когда он переводил взгляд с одного ученика на другого, становились всё более внимательными. Он давно понял: амбиции — это топливо. Но иногда это топливо взрывается раньше, чем ты успеваешь зажечь фитиль.

— А дедушка? — тихо спросил Корней, наконец отрываясь от лопаты. — Что скажет дедушка?

— А дедушка не узнает, — сказал Эдвард, понижая голос до заговорщического шёпота. — Не сразу. Мы сделаем это ночью, в старой теплице на окраине. Там, где никто не ходит. Если получится — покажем ему готовый результат. Он обрадуется. Если нет... — он запнулся, — ...если нет, никто не узнает, что мы пытались.

Лили хотела возразить, но Рен уже кивнул. Корней вздохнул, но тоже кивнул — нехотя, но соглашаясь. «Странник» пожал плечами: дескать, почему бы и нет. Только пятеро против одного здравого смысла. Компания подобралась подходящая для маленькой, тайной, безумной авантюры.

Часть 2. Ночь в старой теплице

Ночь опустилась на «Колхоз» тихая и тёмная — безлунная, идеальная для скрытных экспериментов. Луна спряталась за тяжёлыми тучами, и даже звёзды, обычно рассыпанные по небу щедрой горстью, сегодня казались тусклыми и далёкими. В лагере, уставшем за день, царил та особая, глубокая тишина, которая бывает только перед рассветом, когда даже дозорные на стенах начинают клевать носом.

Пятеро учеников, крадучись, как нашкодившие котята, пробрались к старой теплице на восточной окраине. Когда-то здесь выращивали экспериментальные образцы «Гнилого Картофеля», но после войны теплицу забросили. Её стены, сделанные из «Цепкого плюща», давно засохли и стали хрупкими, как старый пергамент. Крыша, когда-то светопрозрачная и прочная, теперь была покрыта трещинами и дырами. Внутри пахло пылью, сыростью и чем-то ещё — чем-то кислым и затхлым, что напоминало о старых, давно забытых экспериментах.

Эдвард зажёл магический кристалл, принесённый из лаборатории (тайком, пока Кривой Нож отвлёкся на разговор с Мирой). Тусклый, зеленоватый свет выхватил из темноты грубые деревянные столы, покрытые слоем вековой пыли, ржавые инструменты, валявшиеся в углах, и несколько старых, давно высохших горшков.

— Здесь, — сказал Эдвард, ставя кристалл на стол и осматриваясь. — Идеальное место. Никто не придёт.

— Кроме призраков, — мрачно пошутил Корней, оглядывая тени, которые плясали по стенам, как живые.

— Не пугай, — передёрнула плечами Лили. — Я и так нервничаю.

Рен уже обошёл теплицу по периметру, проверяя, нет ли посторонних.

— Чисто, — доложил он, появляясь из темноты так же бесшумно, как и исчез в ней. — Можем начинать.

Они подошли к столу, на который Эдвард выложил принесённые ингредиенты. Здесь были: склянка со спорами «Гнилого Картофеля» (те самые, что Лили стащила из лаборатории, пока Иван Петрович отвлёкся на чай), горсть семян обычного чертополоха (собранного Корнеем на пустыре за восточными полями), пузырёк с экстрактом «Цепкого плюща» (Рен добыл его, используя свои навыки скрытности) и, наконец, тайное оружие — минеральная подкормка, которую Корней нашёл в старых шахтах гномов. Она была тёмно-красной, почти чёрной, и от неё исходил слабый, пульсирующий свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.